

УДК 821.161.1

С. С. Бытко

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ
ПРОТОТИПАХ ПАТАПА ЧАПУРИНА
В ДИЛОГИИ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО
«В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ»

41

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия

Поступила в редакцию 08.04.2025 г.

Принята к публикации 05.10.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-4

Для цитирования: Бытко С. С. К вопросу о возможных прототипах Патапа Чапурина в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2026. № 1. С. 41 – 52. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-4.

Исследуется проблема прототипов центральной фигуры дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» – старообрядческого купца Патапа Чапурина. Анализируются устоявшиеся в исследовательской среде теории генезиса литературного героя. Сопоставляются биографические детали, вероисповедные убеждения и социальные связи исторических лиц с характеристиками мельниковского персонажа. Особое внимание уделяется аргументам в пользу или опровержение каждой из гипотез. Установлено, что, несмотря на значительное сходство Чапурина с П. Е. Бугровым (торговля солью и хлебом, подряды на мощение улиц, лояльность к официальной церкви при сохранении старообрядческой идентичности), ряд черт (возраст, попечительство над беглопоповской часовней) лучше соотносятся с биографией его сына А. П. Бугрова. Отмечается влияние автобиографических элементов: ирония Чапурина в адрес старообрядческого духовенства главным образом отражает взгляды самого Мельникова. Дополнительно рассматривается возможное влияние на образ Чапурина саратовского купца Л. С. Масленникова, чья биография (посещение иргизских монастырей, сопричастность идеям единоверия, широкая благотворительная деятельность) также находит параллели с личностью Чапурина. Выдвигается гипотеза об использовании Мельниковым элементов жизнеописания Масленникова в рамках «конструирования» образов сразу трех старообрядческих купцов, представленных в дилогии: Патапа Чапурина, Макара Масляникова и Данило Снежкова. Исследование основано на сравнительном анализе литературных текстов, эпистолярных материалов и документальных свидетельств. Делается вывод о полигенетической природе образа Чапурина, сочетающего черты нескольких реальных лиц и авторского замысла.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, Н. А. Некрасов, старообрядчество, старoverы, литературный прототип, купечество, Бугровы, Л. С. Масленников

Сложно переоценить значение художественного и публицистического наследия П. И. Мельникова-Печерского для современного старообрядоведения. Будучи видным знатоком быта, книжности и полемических традиций староверия, писатель оставил обширный корпус этнографических сочинений, позволяющих детально реконструировать жизненный уклад приверженцев данного конфессионального течения. Выход в свет фундаментальной диалогии Мельникова «В лесах» и «На горах» в немалой степени способствовал формированию широкого интереса к старообрядчеству в среде читающей публики 1870–1880-х гг. Наконец, именно Мельников стал одним из основоположников светского подхода к изучению староверия, что имело ключевое значение для последующей либерализации отечественной печати в вопросах освещения духовной культуры «древлеправославия».

В современном литературоведении дискуссионной остается проблема прообраза центральной фигуры диалогии «В лесах» и «На горах» — старообрядческого купца Патапа Максимыча Чапурина. Исследователи творчества П. И. Мельникова ранее приводили множество разноречивых сообщений относительно исторических персоналий, потенциально оказавших влияние на формирование образа этого литературного героя. Настоящее исследование ставит своей целью обобщить выводы предшествующих авторов, а также дополнить их новейшими данными.

Среди отечественных специалистов отсутствует единогласный консенсус по вопросу о возможных прототипах Патапа Чапурина. В качестве двух основных претендентов на эту роль традиционно рассматриваются нижегородский купец Петр Егорович Бугров (1785–1859) и его сын Александр Петрович Бугров (1809–1883). Так, мнение о том, что «оригиналом» Патапа Максимыча послужил П. Е. Бугров, разделяют П. С. Усов, Л. А. Аннинский, Н. Г. Перевозчикова, В. В. Боченков, С. А. Зеньковский, А. В. Седов и В. П. Бойко [3, с. 213; 4, с. 99; 5, с. 249; 11, с. 422, 428; 18, т. 1, с. 152; 22, с. 90; 25, с. 10].

Значительная часть названных авторов (за исключением В. В. Боченкова, Н. Г. Перевозчиковой и А. В. Седова) не приводит сколь-нибудь убедительных доказательств соотнесенности образа Чапурина с личностью П. Е. Бугрова, а лишь повторяет предположение П. С. Усова, высказанное еще в конце XIX столетия. Данный взгляд, однако, не лишен оснований. Многие аспекты личности и коммерческой деятельности Чапурина находят параллели с жизнеописанием П. Е. Бугрова. Согласно Мельникову, Патапу Максимычу «от часовенного общества... почет был великий» [18, т. 3, с. 9]. Петр Бугров также принадлежал к беглопоповской ветви старообрядчества¹. А. В. Пыжиков и Д. А. Урушев даже указывают, что ввиду особого заступничества династии Бугровых беглопоповские согласия на Нижегородчине называли не иначе, как «бугровской верой» [23].

Оба купца занимали умеренную позицию в отношении представителей официальной иерархии. Мельников отмечал, что Чапурин «раскольничал, но закостенелым изувером никогда не был» и продолжал

¹ М. Горький ошибочно относил семейство Бугровых к последователям беспоповства [8, т. 17, с. 96], что не находит убедительных исторических подтверждений.

придерживаться «старой веры» главным образом ввиду необходимости сохранять деловые связи с заволжскими коммерсантами [18, т. 3, с. 9]. Примирительной риторики в данном вопросе придерживался и П. Е. Бугров, с видимым добродушием относившийся к попыткам обратить его в лоно «великороссийской» церкви и утверждавший, что разница между двумя ветвями русского православия состоит лишь в обрядах, поскольку «Бог и Христос у нас один» [10].

Подобно П. Е. Бугрову, Чапурин занимался соляной и хлебной торговлей, а также брал казенные подряды на мощение городских улиц. Примечательно, что оба купца в свое время столкнулись с крайней убыточностью государственных строительных заказов [25, с. 33, 36]. Как и его реальный прототип, Патап Максимыч сумел свести близкое знакомство с действующим губернатором, благодаря чему получил возможность защищать «древлеправославие» перед лицом царской администрации [18, т. 5, с. 49, 230; т. 6, с. 315]. Наконец, некоторые сюжеты для своих романов П. И. Мельников напрямую заимствовал из биографии П. Е. Бугрова. Так, случай на соляных торгах, в ходе которых Патапу Максимычу пришлось обратиться к городскому люду с просьбой о крупном денежном займе под честное слово, имел действительное место в жизни П. Е. Бугрова в 1820-х — 1830-х гг. [25, с. 27].

Сходный до степени смещения сюжет был представлен Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Счастливые», 1870). Согласно ей, мужик Ермил Гирин собирает у базарной публики деньги для выкупа мельницы на аукционе¹. Сопоставление литературных источников демонстрирует очевидные текстуальные совпадения поэмы Н. А. Некрасова и романа П. И. Мельникова. Принимая во внимание, что первая публикация «В лесах» датируется 1871 г., можно было бы подумать, что реальный случай переторжки с участием П. Е. Бугрова стал известен Некрасову в ходе посещения им Нижнего Новгорода в 1863 г.², вслед за чем был художественно адаптирован и включен поэтом в повествовательную канву его книги. Мельников, в свою очередь, имел возможность заимствовать приведенный Некрасовым сюжет для собственных литературных нужд. Таким образом, фигура Патапа Максимыча могла испытать некоторое влияние со стороны некрасовского Ермилы Ильича (если допустить, что П. И. Мельников успел познакомиться с «Кому на Руси жить хорошо» на этапе предпубликационной правки своего романа).

Однако более внимательное изучение вопроса показывает, что сцена на соляных торгах впервые появляется в творчестве Мельникова несколькими годами ранее публикации Некрасовым своей поэмы. Так, еще в 1868 г. П. И. Мельников издал в «Русском вестнике» рассказ «За Волгой» (составивший в последующем первые тринадцать глав романа «В лесах»), где сцена на соляных торгах имеется практически в том же виде, что в

¹ Существенное сходство некрасовской сцены на базарной площади с историей П. Е. Бугрова отмечал еще К. И. Чуковский. См.: [19, т. 5, с. 641].

² Посещение Н. А. Некрасовым Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки пришлось на 1863 г. Именно этот год исследователи традиционно определяют в качестве возможного начала работы Н. А. Некрасова над рукописью поэмы. См.: [19, т. 5, с. 635].

итоговом варианте романа. Сравнение произведений демонстрирует, что наибольшее число текстуальных совпадений поэма Некрасова имеет именно с этим сочинением Мельникова (табл.). Таким образом, выясняется, что творчество Мельникова непосредственно повлияло на сюжетную композицию «Кому на Руси жить хорошо», а изначальная идея включить в произведение сцену на базарной площади возникла у Некрасова не ранее 1868 г.¹

**Текстуальные совпадения сцены на базарной площади
у П. И. Мельникова и Н. А. Некрасова**

44

«За Волгой» (Русский вестник», 1868) [16, с. 464–465]	«В лесах» («Русский вестник», 1871) [18, т. 3, с. 8]	«Кому на Руси жить хорошо» (черновые варианты) [19, т. 5, с. 310–311, 319]	«Кому на Руси жить хорошо» («Отечественные записки», 1870) [19, т. 5, с. 58–60]
денег у Чапурина в наличности нет		А денег с ним ни грошика	С Ермилом денег не было
хотят его в дураки оплести		—	Схитрили души подлые, / Да и смеются нехристи
поклонился на все на четыре стороны	посмотрел на все четыре стороны	—	Ермил народу кланялся / На все четыре стороны
Порадейте, господа купцы, выручите!		—	Коли Ермилу верите, / Так вы- ручайте, что ль!..
семь тысяч ему в шапку накидали	семь тысяч в шапку ему накидали	—	Наклали шляпу полную / Целко- виков, лобанчиков
Отдал деньги, куда следует, и по- шел цену сносить	Отдал деньги, и по- шел цену сносить	—	Купец опять копе- ечку, / Пошло у них сражение
Очень им недо- вольны соляные остались	Очень недовольны соляные остались	—	Сдвинулись подья- чие, / Позеленел Алтынников

¹ Факт знакомства Н. А. Некрасова с данным произведением убедительно подтверждается тем обстоятельством, что именно в 6-м номере «Русского вестника» помещался фрагмент романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (сразу после рассказа «За Волгой»). Принимая во внимание острую антипатию, царившую в отношениях писателей в тот период, крайне маловероятно, что Некрасов оставил без внимания столь громкую публикацию Достоевского. Известно также, что Некрасов на протяжении десятилетий пристально следил за деятельностью «Русского вестника», в том числе за публикацией в журнале работ П. И. Мельникова. В одном из своих писем он характеризует помещенную в «Русском вестнике» повесть Мельникова «Старые годы» в следующем выражении: «таланта немного, но интерес сильный и смелость небывалая». См.: [19, т. 14, кн. 2, с. 87].

Примечательно, что черновые рукописи главы «Счастливые» имели сходную фабулу с ее итоговым вариантом, однако существенно отличались от него своей синтаксической составляющей. Нам известно, что окончательную доработку данной главы Н. А. Некрасов осуществлял в феврале 1870 г. [19, т. 5, с. 623]. Именно в этот период поэма приобрела многочисленные текстуальные отсылки к сочинениям П. И. Мельникова. Следует полагать, что в 1870 г. Некрасов повторно обращался к рассказу «За Волгой» с целью заимствовать оттуда уже не только стилистические, но и некоторые синтаксические конструкции¹. Отсюда следует, что при создании образа Ермилы Гирина Некрасов имел в виду вовсе не историческую фигуру П. Е. Бугрова², а обращался к литературному типу мельниковского купца Чапурина.

Наряду с многочисленными доказательствами того, что источником определяющих черт характера Патапа Максими́ча послужил именно П. Е. Бугров, существует ряд весомых доводов, не позволяющих думать, что при создании образа своего героя писатель ориентировался на одного лишь Бугрова-старшего. На то, что образ Чапурина был «списан» с А. П. Бугрова (сына Петра Егоровича), ранее указывали Е. А. Агеева и А. М. Пешков (М. Горький) [2, с. 297; 8, т. 17, с. 97]. В пользу данной версии также свидетельствует ряд убедительных аргументов. А. В. Седов сообщает, что Мельников был хорошо знаком не только с П. Е. Бугровым, но и с его сыном [25, с. 87]. Известно также, что все три поколения семьи Бугровых на протяжении XIX — начала XX в. оказывали покровительство часовне Божией Матери в с. Городец Нижегородской губернии. Зачинателем традиции стал еще П. Е. Бугров [11, с. 239], позднее доверив исполнение этого долга своим сыну и внуку. Мельников сообщает, что Патап Максими́ч также был попечителем городецкой часовни, однако уточняет, что данную миссию он наследовал «после родителя» [18, т. 3, с. 9]. Приведенная деталь гораздо лучше соотносится с биографией Александра Петровича, получившего статус, признание и общественные обязанности от влиятельного отца, нежели с судьбой Петра Егоровича, поднявшегося к богатству и славе из социальных низов.

П. И. Мельников не обозначал строгих хронологических рамок для сюжетного действия своих романов, однако ряд косвенных свидетельств позволяет предположить, что события дилогии разворачиваются на рубеже 1840—1850-х гг. Именно на этот временной отрезок приходится первая встреча автора «В лесах» с представителями знаменитой нижегородской торговой династии, состоявшаяся в 1853 г. [22, с. 89]. Одним из

¹ Ввиду открывшихся фактов нельзя согласиться с М. А. Кучерской, допускавшей, что сюжетным первоисточником для сцены на базарной площади стала пьеса П. И. Григорьева «За веру, царя и отечество» (1854). Наиболее убедительным опровержением данного предположения является множество текстуальных совпадений, связывающих «Кому на Руси жить хорошо» с романом П. И. Мельникова-Печерского, однако не обнаруживающихся при сличении поэмы с сочинением Григорьева. См.: [13, с. 159].

² Упоминаний о династии Бугровых не удается обнаружить ни в корпусе художественных сочинений Н. А. Некрасова, ни в его весьма обширной переписке.

весомых аргументов, препятствующих рассмотрению Петра Егоровича в качестве единственного прототипа купца Чапурина, является их существенный возрастной разрыв. Заметим, что к моменту знакомства с Мельниковым Бугрову-старшему уже исполнилось 68 лет¹. Писатель избегал прямо указывать возраст Патапа Максимыча, однако его «страшная» физическая сила [18, т. 4, с. 153], завидная энергичность и наличие двух дочерей на выданье не позволяют усмотреть в нем пожилого человека. Более правдоподобным прототипом Чапурина видится А. П. Бугров, которому в 1853 г. было 44 года.

Исследователи не раз отмечали, что П. И. Мельникову было присуще отходить от реальных прототипов в процессе создания своих литературных персонажей. В частности, семейство Бугровых было начисто лишено той едкой иронии в отношении старообрядческих попов и келейниц, столь часто звучащей в речах Патапа Максимыча [5, с. 249]. Н. Г. Перевозчикова пронизательно замечает, что данная черта чапуринского характера весьма автобиографична и наверняка была перенесена Мельниковым из собственной «мировоззренческой картины» [22, с. 90].

Таким образом, следует констатировать, что немалое влияние на образ Патапа Чапурина наряду с фигурами П. Е. и А. П. Бугровых, оказала личность самого писателя. Данный вывод хорошо согласуется с популярным в современном литературоведении полигенетическим подходом, согласно которому герои художественных произведений зачастую имели не одного, а многих (биографических, автобиографических и литературных) прототипов. Сходного вывода придерживалась и Л. М. Лотман, предполагавшая, что фигура Чапурина носила собирательный характер и была результатом наблюдений Мельникова за многими заволжскими купцами, оказывавшими покровительство расколу [14, с. 203–204].

Внимания заслуживают некоторые подробности биографии Патапа Чапурина, происхождение которых не представляется возможным объяснить ни влиянием купцов Бугровых, ни обстоятельствами жизни автора диологии. В частности, П. И. Мельников неоднократно указывал на связи Патапа Максимыча с иргизскими монастырями [18, т. 3, с. 334, т. 9, с. 297]. Известно, что П. Е. Бугров долгое время являлся «опорой» керженских скитов [24, с. 711], однако не удается найти убедительных свидетельств поддержки им либо его сыном староверческих общежитий на Иргизе². Кроме этого, П. С. Усов отмечал, что Петр Бугров не признавал правомерности хиротонии белокриницких епископов. Чапурин, в свою очередь, лояльно относился к появлению нового духовенства (в силу того что его деловые партнеры в Москве и Казани признавали «австрийскую» иерархию) [18, т. 1, с. 157; т. 3, с. 19].

Одним из объяснений выявленных противоречий может быть обращение П. И. Мельникова к обстоятельствам жизни других влиятельных старообрядческих коммерсантов той эпохи. В их числе был небезы-

¹ Год его рождения остается дискуссионным, однако в историографии фигурируют 1782, 1785 или 1788 гг. См.: [25, с. 16].

² Связь с иргизскими обителями поддерживал лишь Н. А. Бугров – внук Петра Егоровича. См.: [8, т. 17, с. 97].

известный купец-тысячник Лев Степанович Масленников, в 1852—1858 и 1861—1864 гг. являвшийся головой г. Саратова. На это указывает значительное количество биографических совпадений: подобно Чапурину, Масленников принадлежал к часовенному согласию, занимался хлебной торговлей и мощением улиц, был попечителем беглопоповской часовни, регулярно посещал иргизские скиты, а с середины XIX в., вероятно, поддерживал связи с белокрыницким согласием [6, с. 21—23; 9]. Биографам Л. С. Масленникова известно об исключительной расположенности купца к нуждающимся социальным группам. Особое сочувствие он питал к сиротам, для которых даже открыл богадельню на 49 мест. Сходным образом поступал и Патап Максимыч, наставлявший удочеренную им сиротку Груню: «всего паче бедных не забывай. Никогда, никогда не забывай бедных да несчастных» [18, т. 3, с. 154].

Как и Чапурин, Масленников был увлеченным собирателем рукописей, питал слабость к изящным кириллическим книгам и благолепному церковному пению [6, с. 21—22]. Показательно, что к окончанию сюжетного действия дилогии Патап Максимыч укрепляется в мысли о необходимости преодоления вероисповедных противоречий и сближения старообрядческого меньшинства с «никонианским» миром¹. Данное обстоятельство также роднит мельниковского героя со Львом Степановичем, в 1840-е гг. перешедшим в единоверие. Существенным аргументом в пользу гипотезы о связи Чапурина и Масленникова, кроме прочего, выступает возраст саратовского купца — к середине XIX столетия ему исполнилось 50 лет [6, с. 20] (что полностью соответствует типу возрастного, но дюжего тысячника, изображенного в романах П. И. Мельникова).

Не представляется возможным уверенно говорить о личном знакомстве П. И. Мельникова и Л. С. Масленникова, однако удастся установить сразу несколько «каналов», косвенно связывавших писателя с известным саратовским купцом. В частности, вероятным источником информации был нижегородский епископ Иаков (Вечерков), на рубеже 1840—1850-х гг. оказывавший Мельникову значительную поддержку в деле искоренения раскола. Заметим, что до назначения на нижегородскую кафедру Иаков на протяжении пятнадцати лет (1832—1847) возглавлял Саратовскую епархию и был хорошо знаком с крупнейшими фигурами старообрядческого движения в подведомственном ему регионе. Иаков активно участвовал в миссионерской работе и лично встречался с влиятельными купцами-староверами, посредством чего сумел обратить в единоверие несколько тысяч саратовцев [7, с. 507]. Среди них был и Л. С. Масленников, перешедший в единоверие в 1843 г.

В своих сочинениях П. И. Мельников отмечал, что нижегородские староверы находились под непосредственным влиянием «коноводо» из Саратова, ввиду чего интересовался состоянием раскола в этом городе [18, т. 1, с. 153; т. 14, с. 20]. Кроме того, именно саратовские старообрядцы в 1840-х гг. принимали активное участие в поисках белокрыницкого ми-

¹ Сходную по своему характеру трансформацию в романе «На горах» пережил и другой созданный Мельниковым положительный герой — Герасим Чубалов.

трополита, что не могло оставить безучастным Мельникова-чиновника. Как следствие, этнограф проводил много времени с Иаковым, выясняя у того подробности борьбы с «церковными непокорниками» в Нижнем Поволжье [18, т. 1, с. 132]. Маловероятно, чтобы в своих рассказах архиерей обошел вниманием столь значимую и сильную в саратовском старообрядчестве фигуру, как Л. С. Масленников.

Кроме епископа Иакова, П. И. Мельников близко знался и сотрудничал с действительным статским советником В. А. Алябьевым, долгое время занимавшимся противодействием расколу в Саратовской губернии [18, т. 14, с. 114]. Вероятно, писатель мог получить сведения о Масленникове именно от него. В настоящее время мы не располагаем достоверными свидетельствами о том, что Мельников когда-либо побывал в Саратове. Однако известно, что по долгу службы Павел Иванович регулярно предпринимал секретные командировки в различные районы Поволжья. Сведения о подобных разъездах зачастую оставались негласными. Не исключено, что посещение Саратова могло произойти в ходе одной из таких поездок.

П. И. Мельникову также мог быть знаком язвительный пасквиль, опубликованный С. А. Макашиным в журнале «Современник» за 1863 г., в котором подробно разбирались всевозможные городские пересуды о жизненных перипетиях Л. С. Масленникова (в том числе о сохранении купцом крепких связей со старообрядческим миром даже после его формального перехода в единоверие) [15, с. 383, 398]. Напомним, что именно в начале 1860-х гг. Мельников сотрудничал с журналом «Современник», опубликовав в нем несколько своих повестей и рассказов [20, с. 18].

Подобно многим другим деловым людям Поволжья, Л. С. Масленников в 30–40-е гг. XIX в. был вынужден регулярно бывать в Нижнем Новгороде. Думается, что случай свести знакомство с саратовским купцом мог представиться П. И. Мельникову в ходе одного из многочисленных посещений им Нижегородской ярмарки, пришедшихся на те же годы. Известно, что помимо исполнения служебных обязанностей, связанных с исчислением объемов товарооборота на нижегородском торжище, Мельников занимался налаживанием связей с купцами-староверами, приезжавшими на ярмарку со всех уголков России. Заметим, что на стечение большого числа саратовских купцов в ярмарочные дни Мельников обращал особое внимание в нескольких своих специализированных трудах [17, с. 66].

Несмотря на то что упоминаний о Л. С. Масленникове в эпистолярном наследии П. И. Мельникова обнаружить не удастся, фамилия купца (в несколько измененном виде) все же фигурирует в его художественном творчестве. В своей знаменитой дилогии писатель упоминает властного и деспотичного купца Макара Тихоныча *Масляникова* [18, т. 4, с. 97]. В противоположность Чапурину, Масляников на страницах романа представлен как собирательный образ всех худших пороков, традиционно приписываемых поволжским тысячникам: беспринцип-

ность, жестокость, сладострастие, черствость, своеволие и пр.¹ Отметим, что Мельникову было свойственно вводить в сюжетное повествование реальных людей, немного искажая их имена и фамилии. Именно так реальный старообрядческий начетчик Василий Васильевич Борисов с легкой руки писателя превратился в литературного героя Василия Борисыча [12, с. 26].

Удалось установить, что реальным прототипом Марьи Гавриловны Масляниковой (вдовы Макара Тихоньча) была уроженка Казани Мария Петровна Дегтярева [1, с. 227]. Именно ее биография во многих подробностях была переложена Мельниковым на страницах его диалогии. Можно ли считать совпадением, что мужа госпожи Дегтяревой звали Степаном Степановичем? Уточним, что именно под таким псевдонимом С. А. Макашин представил Л. С. Масленникова в своем остросатирическом очерке.

Таким образом, выясняется, что П. И. Мельников «расщепил» личность Л. С. Масленникова, наделив отдельными чертами его характера как высоконравственного Патапа Чапурина, так и глубоко порочного Макара Масляникова. Можно назвать и еще одного любопытного персонажа, наверняка заимствовавшего некоторые биографические черты Льва Степановича. Это самарский купец Данило Тихоньч Снежков. По утверждению Мельникова, Снежков был не только успешным ското-промышленником и богатым фабрикантом, но даже лично знал губернатора и некоторое время заседал в городских головах [18, т. 3, с. 117]. Изучение руководства Самары не обнаруживает наличия в середине XIX столетия городских голов, происходивших из старообрядческой среды. Последнее не представляется удивительным хотя бы в силу тех суровых административных ограничений, которым подвергло старообрядцев правительство Николая I [21, с. 136]. Нахождение во главе крупного губернского центра личности, столь прочно связанной со старообрядческим миром, было почти невозможно представить в поздние николаевские годы. Данные обстоятельства делают случай Л. С. Масленникова уникальным не только для Саратово-Самарского Поволжья, но и для всей Европейской России. Таким образом, единственным прототипом, с которого могло быть «списано» административное прошлое Данило Тихоньча, оказывается уже упомянутый нами саратовский голова Масленников.

Выполненное исследование показывает, что образ Патапа Чапурина носит сложный, синтетический характер, сочетая черты нескольких исторических лиц, а также ряд автобиографических элементов. Однако вопрос о степени влияния каждого из прототипов требует дальнейшего изучения. Перспективным продолжением представленной работы видится детальный анализ архивных материалов по истории нижегородского и саратовского купечества. Кроме того, важно исследовать механизмы трансформации реальных биографий в литературные образы,

¹ Следует полагать, что задумка закрепить фамилию Масленникова за столь отталкивающим персонажем могла сложиться у П. И. Мельникова под влиянием прочтения едкого пасквиля С. А. Макашина о городском голове Саратова.

что позволит уточнить творческий метод писателя. Дальнейшая работа в этом направлении предполагает изучение малоизвестных рукописных источников, региональных исторических хроник, а также переписки П. И. Мельникова, что в совокупности, думается, позволит пролить свет на генезис других ключевых персонажей его произведений.

Список литературы

1. Агафонов Н. Я. Казанская героиня «В лесах» Андрея Печерского // Исторический вестник. 1902. №1. С. 210–228.
2. Агеева Е. А. Бугров Николай Александрович // Православная энциклопедия. Т. 6 : Бондаренко – Варфоломей Эдесский. М., 2003. С. 296–297.
3. Аннинский Л. А. Три еретика. М., 1988.
4. Бойко В. П. Эволюция облика купечества и отечественного предпринимательства в творчестве П. И. Мельникова (Андрея Печерского) // Вестник Томского государственного университета. 2021. №463. С. 98–103.
5. Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.
6. Бытко С. С. «Степан Степаныч своих не покинет», или Тайный старообрядец в должности городского головы (к биографии Л. С. Масленникова) // Православие. Наука. Образование. 2018. №2 (6). С. 20–26.
7. Воробьев М., свящ., Кочетов Д. Б. Иаков (Вечерков) // Православная энциклопедия. Т. 20 : Зверин монастырь – Иверия. М., 2009. С. 506–508.
8. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения : в 25 т. М., 1968–1976.
9. Гусакова З. Е. Противоречивый Масленников // Calameo : [сервис интерактивных публикаций]. URL: <https://www.calameo.com/books/0041845478-faabcfc40d9> (дата обращения: 07.03.2025).
10. Даль В. И. Полн. собр. соч. в прижизненных публикациях : [электрон. науч. изд.]. URL: <https://philolog.petsu.ru/vdahl/html/pdf/BUGOR67.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).
11. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. М., 2009.
12. Кутукова М. Г. Василий Борисов – судьба литературная и реальная: по страницам диалогии П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» и «На горах» // Нижегородский музей. 2006. №9/10. С. 26–27.
13. Кучерская М. А. С миру по нитке: о возможном источнике поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Складчина : сб. ст. к 50-летию профессора М. С. Макеева. М., 2019. С. 157–169.
14. Лотман Л. М. Мельников-Печерский // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1956. Т. IX, ч. 2. С. 198–227.
15. Макашин С. А. Несколько подробное, но весьма правдивое жизнеописание одного городского головы // Современник. 1863. №5. С. 371–402.
16. Мельников-Печерский П. И. За Волгой // Русский вестник. 1868. Т. 75, №6. С. 459–500.
17. Мельников-Печерский П. И. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. Н. Новгород, 1846.
18. Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; СПб., 1897–1898.
19. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем : в 15 т. Л., 1981–2000.

20. Павел Иванович Мельников-Печерский: жизнь и творчество. Библиографический указатель / сост. Л. Е. Кудрина, Л. П. Селезнева. Н. Новгород, 2013.
21. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.
22. Перевозчикова Н. Г. Старообрядец Семеновского уезда П. Е. Бугров на страницах романов П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Старообрядчество: история, культура, современность : тезисы. М., 1997. С. 89–91.
23. Пыжигов А. В., Урушев Д. А. Эволюция русского мира // Самиздат : [электрон. журн.]. URL: https://samlib.ru/g/gpebenchenko_j_i/386.shtml (дата обращения: 26.03.2025).
24. Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1999.
25. Седов А. В. Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород, 2010.

Об авторе

Сергей Станиславович Бытко – асп., Нижневартровский государственный университет, Россия.

E-mail: labarum92@rambler.ru

S. S. Bytko

ON THE QUESTION OF POSSIBLE PROTOTYPES OF CHAPURIN'S PATAPE IN P. I. MELNIKOV-PECHERSKY'S DILOGY "IN THE WOODS" AND "ON THE MOUNTAINS"

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

Received 08 April 2025

Accepted 05 October 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-4

To cite this article: Bytko S.S., 2026, On the question of possible prototypes of Chapurin's Patape in P. I. Melnikov-Pechersky's diology "In the Woods" and "On the Mountains", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 41–52. doi: 10.5922/vestnikpsy-2026-1-4.

The study addresses the problem of prototypes for the central figure of P. I. Melnikov-Pechersky's diology "In the Woods" and "On the Mountains" – the Old Believer merchant Patap Chapurin. The analysis examines established theories regarding the genesis of literary characters within scholarly discourse. Biographical details, religious beliefs, and social connections of historical figures are compared with the characteristics of Melnikov's character. Particular attention is given to arguments supporting or refuting each hypothesis. It is established that, despite a significant similarity between Chapurin and P. E. Bugrov (trade in salt and bread, contracts for paving streets, loyalty to the official church while maintaining Old Believer identity), several traits (age, guardianship of a fugitive-priest chapel) correspond more closely to the biography of Bugrov's son, A. P. Bugrov. The influence of autobiographical elements is also noted: Chapurin's irony toward the Old Believer clergy primarily reflects Melnikov's own views. Additionally, the potential influence of the Saratov merchant L. S. Maslennikov

on Chapurin's image is considered, as his biography (visiting Irgiz monasteries, involvement with the ideas of Edinoverie, extensive charitable activity) also parallels aspects of Chapurin's character. The study proposes the hypothesis that Melnikov used elements of Maslennikov's life in "constructing" the images of three Old Believer merchants represented in the dilogy: Patap Chapurin, Makar Maslyannikov, and Danilo Snezhkov. The research is based on a comparative analysis of literary texts, epistolary materials, and documentary evidence. The study concludes that Chapurin's character has a polygenetic nature, combining traits of several real individuals with the author's creative design.

Keywords: P. I. Melnikov-Pechersky, N. A. Nekrasov, Old Belief, Old Believers, literary prototype, merchants, Bugrovs, L. S. Maslennikov

The author

Sergey S. Bytko, PhD student, Nizhnevartovsk State University, Russia.
E-mail: labarum92@rambler.ru